

ОГЛАВЛЕНИЕ

Словарь Н. М. Тупикова и принципы родового имянаречения в Древней Руси (<i>Ф. Б. Успенский</i>)	7
--	---

Словарь древнерусских личных собственных имен

Предисловие (<i>А. И. Соболевский</i>)	24
Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен	26
Список сокращений	54
1. Имена мужские	55
2. Имена женские	484
3. Отчества	488

Приложения

Рецензия <i>Е. Ф. Карского</i>	885
Рецензия <i>Д. К. Зеленина</i>	900
<i>В. К. Чичагов</i> . Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.) . . .	905

СЛОВАРЬ Н. М. ТУПИКОВА И ПРИНЦИПЫ РОДОВОГО ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Предисловие к переизданию труда, впервые увидевшего свет немногим более столетия назад, естественно было бы начать с биографии его автора. Однако сведения о жизни Николая Михайловича Тупикова поневоле оказываются довольно скудными. Он родился в 1869 г., окончил историко-филологический факультет университета в Петербурге, но из-за болезни не смог оставаться в столице и вынужден был переехать в Ялту, где сделался учителем в женской гимназии. В 1900 г. Н. М. Тупиков скончался, и Словарь древнерусских личных собственных имен был опубликован уже после смерти автора, в 1903 г.

О круге научных интересов Н. М. Тупикова мы можем судить по его прижизненным и посмертным публикациям, сюжеты которых представляют весьма яркими и демонстрируют широкий круг интересов их автора — «Заметки о древнерусских личных собственных именах», «Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича», «Страсти Христовы в западнорусском списке XV века». Он состоял сотрудником Критико-биографического словаря С. А. Венгерова и написал целый ряд заметок и работ о русских общественных деятелях XIX в. Тем не менее в памяти следующих поколений Н. М. Тупиков остался автором одной книги — переиздаваемого ныне Словаря.

В самом деле, Словарь успел сделаться библиографической редкостью, но при этом известен едва ли не каждому, кто занимается историей русского Средневековья. Значение этого труда двояко. С одной стороны, в начале XXI в., как и в начале века XX, он остается весьма ценным справочным

изданием, которое может быть полезно при изучении любой исторической проблематики X—XVII вв. С другой стороны, трудно переоценить значение Словаря Н. М. Тупикова как самостоятельного ономастического исследования, где не только собран весьма обширный материал, но даны ясные и четкие критерии его отбора и классификации, представлен общий взгляд на древнерусский именовослов и его развитие.

В сущности, Н. М. Тупиков продемонстрировал, что ономастика не является дисциплиной сугубо описательной. Не существует готовых ответов на вопрос о том, как отделить нехристианские имена от прозвищ, с чем связан феномен возникновения и сохранения русских отчеств, как рано и почему из других способов именованья начинает выделяться то, что мы сегодня называем фамилиями. Здесь необходимо привлечение лингвистических и историко-культурных данных, причем в ходе исследования выясняется, что решение этих и многих других проблем неизбежно должно иметь системный характер. Изменяются, развиваются не только и не столько имена как таковые, сколько самые принципы именованья, антропонимические модели, одни из которых универсальны для истории разных народов, тогда как другие могут оказаться уникальными, существующими лишь на совершенно определенной национальной почве. С этой точки зрения чрезвычайно интересны соображения Н. М. Тупикова о соотношении христианских и нехристианских имен и отчеств в Древней Руси. Его взгляд на это соотношение оспаривался В. К. Чичаговым, но здесь мы отсылаем читателя к вводу «Историческому очерку употребления древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова и к Приложению, где помещена работа В. К. Чичагова «Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.».

Не вызывает сомнения, что работа Н. М. Тупикова натолкнет читателя и на множество других, не менее интересных и животрепещущих вопросов исторической ономастики, поскольку предлагаемый вниманию Словарь древнерусских личных собственных имен — это не только самый фундаментальный на сегодняшний день научный труд, посвященный русскому нехристианскому именовослову, но и приглашение к дальнейшим наблюдениям, к дальнейшим исследованиям.

Словарь Н. М. Тупикова далек от полноты и завершенности — в каком-то смысле издание такого рода и не может и не должно быть чем-то исчерпывающим, не допускающим добавлений. Круг текстов, из которых мы можем черпать новые сведения об именах, постоянно расширяется, например, за счет открытия и исследования берестяных грамот. Скорее, кажется весьма знаменательным, что революция в наших представлениях о древнерусской ономастике, вызванная появлением этого уникального корпуса

текстов, не упразднила исследовательских достижений ученого. Напротив, его материалы оказались в высшей степени востребованы при изучении этих замечательных памятников бытовой письменности Древней Руси. Меняются подходы, развиваются самые методы интерпертации антропонимических материалов, однако идеи и принципы, выдвинутые и сформулированные Н. М. Тупиковым, не устаревают и остаются живой основой для научных дискуссий и возникновения новых концепций.

Можно сказать, что эта работа, сама по себе составляющая целый этап в развитии ономастических исследований, подготовила почву для перехода науки об именах на следующий, качественно иной уровень. Антропонимы зачастую являются той единственной минимальной порцией информации, которая дошла до нас от целого отрезка средневековой истории, и это не случайно, так как имена действующих лиц и их предков — это едва ли не первое, что стремились сохранить и в чем стремились разобраться авторы древних текстов. Обладая сведениями об именах людей нескольких поколений и хотя бы минимальными данными о самих этих людях, мы можем попытаться восстановить некоторую общую картину их жизни, их мира, и попытки эти могут оказаться не столь уж безнадежны.

Информация, сосредоточенная в именах, не так мала, как может показаться на первый взгляд. В частности, если нам удастся перейти от самих имен к рассмотрению причин их выбора, увидеть закономерности в повторе тех или иных именовании, воссоздать некую сумму правил, которыми руководствовались, давая вновь появившемуся члену семьи определенное имя, мы сможем проследить более полно историю семьи, историю рода, историю страны.

Возможности для такого исследования имплицитно присутствуют в самом Словаре, так как Н. М. Тупиков не просто коллекционировал антропонимы, он стремился по возможности сохранить за каждым именем связь с теми людьми, которые некогда его носили, снабжал каждый пример того или иного именовании хотя бы беглой характеристикой исторического персонажа. Попробуем продемонстрировать, каким образом определенный набор имен, однажды извлеченный из источников и рассмотренный как единое целое, может быть заново сопоставлен с дошедшими до нас сведениями о соответствующих исторических лицах и что нового мы узнаем из такого сопоставления.

Среди нехристианских имен, собранных в словаре Н. М. Тупикова, существует довольно обширная группа антропонимов, о которой следует говорить отдельно. Речь идет об исконных, языческих по происхождению именах русских князей Рюриковичей. Выделение их в особую группу связано, с одной стороны, с тем, что бытование этих имен не во всем было

сходно с бытованием имен в не княжеской среде. С другой стороны, данные об этих именах сохранились лучше и последовательнее других, что позволяет выявить и описать некоторые традиции имянаречения, актуальные для многих поколений одного и того же рода.

Какие же принципы имянаречения можно проследить на примере княжеской династии и что из этих принципов мы можем перенести на русский нехристианский именовослов в целом?

Исследование княжеского именовослова заставляет обратить внимание на две главные закономерности, два основных требования к имени вновь появившегося члена рода. Чтобы войти в мир рода, ребенок должен быть назван в честь одного из умерших родичей и при этом имя его не должно совпадать с именами ближайших живущих предков. Иными словами, имя для ребенка обычно выбирал глава семьи, отец или дед, и называл в честь умерших — прадеда, двоюродного деда, дяди, старшего брата или кого-либо из более отдаленных родичей, некогда располагавших властными привилегиями на Русской земле.

Роли живых и умерших членов рода в этой важнейшей процедуре не смешивались. Умершие предки становились своеобразными прототипами для новорожденных потомков, в определенном смысле заново воплощались в них, причем идея такого воплощения зачастую уже не была связана буквально с верой в реинкарнацию, в переселение душ, но имела самое непосредственное отношение к культу рода, довольно долго и успешно уживавшемуся с христианством на Руси.

Глава же семьи, нарекающий ребенка, выбирал тех предков, чья судьба лучше всего соответствовала той участи, которую прочили новорожденному. Прежде всего речь, разумеется, шла об имущественных и властных правах. Нередко наречение ребенка именем родича, владевшего при жизни определенным княжеским столом, означало, что именно этот стол отец или дед хотел бы тем или иным способом закрепить за ним в будущем.

Каждый акт выбора имени для ребенка — это своеобразное высказывание взрослых членов семьи, высказывание на «языке имен», обращенное не только к современникам, но и к потомкам — к князьям, знати, горожанам... На протяжении XI и XII вв. в разрастающемся и дробящемся роду Рюриковичей этот язык имен все более усложнялся, не утрачивая, впрочем, своей прозрачности. При этом главные правила — называть в честь умершего родича и не давать имен живущих предков — соблюдались довольно долго.

В летописях вплоть до XIII в. практически не встречаются такие именованья князей, как **Игорь Игоревич*, **Ярослав Ярославич*, **Святополк*

Святополчич или **Владимир Владимирович*. В сущности, мы знаем в ту эпоху только одного князя, который во множестве источников оказывается тёзкой своего отца, — Мстислава Мстиславича Удатного. Однако мы не находим ни одного упоминания о нем в ту пору, когда отец его, Мстислав Ростиславич Храбрый, был жив. Есть веские основания полагать, что Мстислав Удатный появился на свет после внезапной смерти своего отца и потому, вполне закономерным образом, был назван отцовским родовым именем.

Существовал ли обычай называть именами умерших предков вне княжеской среды? Действовал ли там запрет на использование имен живых предков?

Главной трудностью при ответе на эти вопросы является то обстоятельство, что наши знания о выборе имен в не княжеском обиходе, как уже упоминалось, далеко не столь последовательны и обильны. Однако материал, представленный в словаре Н. М. Тупикова, а также и то, что было накоплено на протяжении XX столетия, позволяет предположить, что в знатных родах эти принципы так или иначе соблюдались. Действительно, мы обнаруживаем регулярные чередования и повторы имен у воевод, тысяцких, посадников, княжеских воспитателей и других приближенных Рюриковичей на протяжении нескольких столетий. Особенно отчетливо это видно на новгородском антропонимическом материале, который лучше сохранился и лучше изучен. При этом и в именовании знатных людей мы, как правило, не находим в источниках тёзок своих отцов — **Жирославов Жирославичей* или **Завидов Завидовичей*. Таким образом, мы можем допустить, что главные принципы имянаречения, принятые в династии Рюриковичей, некогда выделившейся и обособившейся среди других славяно-скандинавских родов, присутствовали и в практике русской знати как таковой.

Существенно вместе с тем, что сами единицы именованности — имена собственные — у князей и у их окружения, как правило, не совпадали. Мы не знаем людей не княжеского происхождения, которые именовались бы, например, *Ярославами* или *Святополками*. Каждый именитый род стремился, по-видимому, выработать собственный антропонимикон, собственный набор имен, передающихся из поколения в поколение. При этом модели построения имен знати зачастую были одни и те же у правящих династий и их окружения во многих странах славянского мира. Многие из этих имен были двусоставными (такие как *Владимир*, *Казимир*, *Творимир*, *Хотемир*, *Боримир*, *Судимир*, *Судислав*, *Борислав*, *Мирослав*, *Ярослав*, *Святослав*, *Владислав*, *Жирослав*, *Пакослав*, *Моислав*, *Мстислав*, *Мстивой* и др.). Концепты, использовавшиеся для их образования, во многих тради-

циях были, судя по всему, достаточно универсальны: 'слава', 'доблесть', 'могущество', 'битва', 'война', 'мечь', 'мир', 'святость', 'победа', 'рост', 'жизнь' и т. п. Основы с подобной семантикой считались приемлемыми для имен военачальников, наместников и правителей, они являли собой своеобразный «конструктор», из которого эти имена, в сущности, собирались и разбирались.

Династический именованослов мог быть особенно консервативным, так как преемственность имен правителей связывалась в сознании людей с преемственностью прав на имущество, на землю, на власть. Превращение тех или иных имен в династические, княжеские, королевские порой могло быть результатом неожиданного, почти случайного изменения исторических обстоятельств. Однако в дальнейшем плоды случайного легитимизировались, и происходило это не в последнюю очередь благодаря механизму повтора, преемственности родовых имен.

Одно и то же имя могло в разных областях славянского мира сделаться принадлежностью династического обихода или остаться атрибутом знатного семейства. На страницах Новгородской первой летописи мы встречаем, например, *Моислава*, князя Мазовецкого, и его тезку — новгородского посадника *Моислава*. Иногда имена «уходили» из династического обихода и становились достоянием околокняжеской знати. Так, имя *Судислав*, которое носил один из сыновей Владимира Святого, проведенный в заточении большую часть своей жизни, более у князей Рюриковичей, насколько мы можем судить по источникам, никогда не появляется. Однако в Ипатьевской летописи упоминается знатный и могущественный боярин *Судислав*, оказавший в XIII веке весьма значительное влияние на политические события в галицко-волынской Руси.

Родовой именованослов, таким образом, при всей своей устойчивости и консервативности не был чем-то незыблемым и неизменным. История выбора имени запечатлевала в определенном смысле всю историю рода, а она — как и всякая история — изобиловала неожиданными поворотами и внезапными событиями. Говоря об именах русской знати, можно упомянуть явления столь разного во многих отношениях порядка, как древние контакты между славянами и германцами и позднейшие междинастические, межродовые связи.

Действительно, исследователи неоднократно обращали внимание на сходство структуры древнегерманского и славянского двусоставного имени, на сходство тех концептов, которые при образовании этих имен использовались. Предполагалось, кроме того, что такое имя как, например, *Владимир* (*Володимир* или *Володимѣр*) или *Святополк* могло быть древним заимствованием из германских языков. С другой стороны, нельзя не отме-

тить, что в Дании имя *Вальдемар* (Valdamarr, Valdimar) появляется в качестве династического, а впоследствии — общераспространенного благодаря браку датского принца Кнута Лаварда с русской княжной Ингибьёрг Мстиславной, внучкой Владимира Мономаха. Отпрыск этой пары появился на свет на Руси в 1131 г. и получил имя в честь своего русского прадеда, а впоследствии сделался одним из самых знаменитых правителей средневековой Северной Европы. Таким образом, имя *Владимир*, древнее германское заимствование, успело, довольно долго просуществовав на славянской территории, полностью «обрусев», вновь вернуться в германский именовослов в XII веке.

Наречение в честь умершего родича — чрезвычайно важное для родовой традиции — было хотя и основным, но отнюдь не единственным средством, демонстрирующим неразрывность и преемственность в семье и в династии. Имена отца и сына, внука и деда или нескольких родичей одного поколения могли быть зримо связаны, оставаясь при этом не вполне тождественными друг другу. Один из самых распространенных приемов, с помощью которого такая связь достигалась, это повторяющиеся, перекликающиеся основы из разных имен. Варяг *Рогволод* (Ragnvaldr), княживший в Полоцке, назвал свою дочь — будущую жену Владимира Святого — *Рогнедой* (Ragnheiðr). Сын *Всеволода* мог нарекаться *Володимером*, а дочь *Всеволода* — *Всеславой*. Многочисленные внуки князя по имени *Святослав* могли получать в наследство разные основы из двусоставного имени их общего деда и именоваться, соответственно, *Вышеслав*, *Изяслав*, *Мстислав*, *Ярослав* и *Святополк*. Порой такая связь строилась не на полном тождестве основ, а лишь на созвучии имен. Так, один из младших сыновей Ингигерд мог зваться *Игорем*. Иногда же между именами могла существовать и семантическая, смысловая связь — двух новгородцев, приходившихся, по-видимому, братьями друг другу, могли звать, к примеру, *Судила* и *Несдила*.

В процесс варьирования, уподобления и сближения родовых имен вовлекались в первую очередь имена живых родичей, но нередко в него втягивались и имена родичей умерших. Подобное варьирование имени могло подчеркивать, выявлять родовые связи «по вертикали» — с отцом, матерью, дедами и прадедами с обеих сторон, с легендарными прародителями. Оно могло актуализировать и «горизонтальные» родовые связи, формировать выделенные группы в пределах одного поколения — всех детей одних и тех же родителей, внуков или внучек одного и того же деда или бабки. Разумеется, варьирование имен создавало прекрасные возможности для учета «вертикальных» и «горизонтальных» связей одновременно или, например, для закрепления союза объединяющихся между собой родов.

Принцип созвучия, как кажется, предполагал не столько прочерчивание какой-либо магистральной линии родовых связей, сколько всевозможное комбинирование и сведение воедино всех генеалогических отношений рода. Обращаясь к варьированию родовых имен, члены правящей династии по сути дела формируют дополнительные культурные механизмы, напрямую связанные с преемственностью власти. Полный повтор имени живого или умершего предка мог по тем или иным политическим причинам быть выгоден и невыгоден одновременно, и тогда на помощь приходило варьирование, созвучие, неполный повтор. В другой ситуации принцип созвучия, варьирования лишь подкреплял какие-либо другие установки при имянаречении, служил «дополнительным аргументом» в пользу определенного имени.

Имена варьировались и переименовывались, срастались и распадались, обкатывались традицией вне зависимости от их происхождения, «чужое» со временем превращалось в «свое». Славянское или скандинавское имя было равно пригодным для новорожденного, если его уже носил кто-то из предков или, в крайнем случае, оно по звучанию напоминало имена предков. Едва ли не самый сильный натиск чужеродного, непривычного антропонимикона русский именовослов испытал в эпоху христианизации. Христианские имена никак не были связаны с исконной родовой традицией, ни у князей, ни у их окружения не было предков с такими именами. Между тем новая традиция имянаречения поддерживалась авторитетом церкви. Первыми ее проводниками на Руси стали не кто иные, как князья Рюриковичи, ранее других принявшие крещение и получившие христианские имена.

При этом правящий род оказался в особенно трудном положении, ведь именно для него чрезвычайную значимость имела преемственность исконных имен, имен предков. Своеобразным ответом на эту непростую ситуацию стала двуименность, когда у князей, да и у подавляющего большинства их подданных было по два имени, одно из которых обязательно было христианским. «Привыкание» к крестильным именам оказалось весьма длительным культурно-историческим процессом, занявшим не одно столетие. Очень постепенно эти христианские имена становятся элементом обиходной жизни, причем и здесь Рюриковичи во многом опережают остальные роды и семьи Руси. У них крестильные имена начинают употребляться в обиходе, по-видимому, несколько ранее, чем у других людей, тогда как имена исконные гораздо быстрее утрачиваются. Тем не менее и у Рюриковичей вплоть до середины XIII в. они остаются весьма существенным элементом именовослова, а отдельные князья продолжают получать два имени, христианское и мирское, еще на рубеже XIV—XV вв.

Что же стояло за этим столь длительным процессом привыкания? Каким образом осваивались поначалу непривычные крестильные имена? Как